

ДАУЭР ХАУС

То, что меня окружает какая-то тайна, я почувствовала еще в детском возрасте: уже тогда у меня возникло ощущение какой-то отчужденности, которое потом не оставляло меня. Я была особенной, не такой, как все остальные в Дауэр Хаусе.

У меня вошло в привычку спускаться к небольшому ручью, который протекал между Дауэр Хаусом и Окленд Холлом, и подолгу смотреть в его чистые воды, как будто я надеялась увидеть там ответ на мучивший меня вопрос. То, что для своих размышлений я выбрала именно это место, как оказалось впоследствии, имело существенное значение. Как-то меня застала здесь Мэдди, которая была у нас служанкой и кем-то вроде няньки для меня, и мне никогда не забыть то выражение искреннего ужаса в ее глазах.

— Почему вы захотели пойти сюда, мисс Джессика? — взволнованно спросила она. — Если бы мисс Мириам узнала об этом, она бы вам не позволила.

Еще одна тайна! Что не так было с этой славной речушкой и красивым мостом, перекинутым через нее? Меня особенно тянуло сюда еще и потому, что на другом берегу вдалеке вырисовывались очертания серых стен величественного Окленд Холла.

— А мне здесь нравится, — упрямо ответила я. Запретный плод сладок, и ко мне это высказывание относится в первую очередь, потому что, узнав о существовании каких-то непонятных причин, по которым мне не следовало появляться на берегу этого ручья, я стала ходить туда еще чаще.

— Это неправильно, что вы так много бываете там, — настаивала Мэдди.

А мне ужасно хотелось узнать, почему это так. В итоге моя любознательность привела к тому, что Мэдди начала называть меня Мисс Что-Где-Почему.

— Это плохое место, так и знайте, — заявила она. — Я сама слышала, как это говорили мистер Ксавье и мисс Мириам. Плохое!

— Но почему?

— Ну вот, опять пошло-поехало! — воскликнула Мэдди. — Потому что! Плохое — вот и все, и нечего вам туда ходить.

— Там что, привидения водятся?

— Очень даже может быть.

Итак, я частенько ходила к той речушке и, сидя на ее берегу, размышляла о том, как она, извиваясь между холмами, плавно течет по всей стране, разливается вширь перед впадением в старушку-матушку Темзу, а потом уже вместе с этой могучей компаньонкой добирается до самого моря.

Ну что в этом может быть такого опасного? — спрашивала я себя. Если не шли проливные дожди, ручей был совсем мелким, с чистой прозрачной водой, так что я могла разглядеть даже гальку на его коричневатом от ила дне. На другом берегу к воде клонила поникшие ветки плакучая ива. *О чем она плачет?* — гадала я. — *О чем печалится?*

В общем, в те юные годы, приходя к нашей маленькой речке, я в основном думала о себе, и чуть ли не главной темой моих размышлений всегда было то, что у меня на самом деле очень мало общего с Дауэр Хаусом, что я здесь чужая.

Однако эта мысль не слишком беспокоила меня. Я была особенной, и меня это устраивало. Взять для начала хотя бы мое имя — оно было необыкновенным. Потому что в действительности звали меня Опал, Опал Джессика, и я часто задумывалась, каким образом моя мать когда-то могла назвать меня таким фривольным именем, ведь она была женщиной далеко не легкомысленной. Что же касается моего бедного отца, то его мнения, конечно, никто не спрашивал:

над ним словно витала какая-то темная печальная туча, и порой мне казалось, что она же накрывала и меня.

Правда, именем Опал меня никто никогда не называл, поэтому я сама иногда использовала его, разговаривая сама с собой, что происходило со мной частенько. Объяснялось это, безусловно, тем фактом, что большую часть времени я проводила в одиночестве; именно таким образом я пришла к осознанию тайны, которая окружала меня, как облако тумана, за которым ничего не видно. Время от времени Мэдди проливала немного света в непроглядной пелене, но эффект получался обратным: от этих слабых проблесков все становилось только еще более запутанным и призрачным.

Во-первых, это странное имя. Зачем было меня так называть, если пользоваться этим именем не собирались? Моя мать казалась мне очень старой: когда она родила меня, ей было далеко за тридцать. Моя сестра Мириам была старше меня на пятнадцать лет, а брат Ксавье — почти на двадцать, но я никогда не относилась к ним как к сестре и брату. Мириам была для меня фактически воспитательницей, поскольку мы были слишком бедны, чтобы нанять для меня настоящую гувернантку. Вообще же тема бедности была самой болезненной темой в нашей семье. Мне пришлось бесчисленное количество раз выслушивать рассказы о том, что у нас было в прошлом и чего теперь нет, потому что мы постепенно скатились от роскоши до «состояния нужды», как называла это мама.

Мой бедный отец как-то весь сжимался, когда мама заводила разговоры о «лучших временах», когда их окружали толпы слуг, когда в их доме устраивались блестящие балы и элегантные приемы гостей. Тем не менее в Дауэр Хаусе не было недостатка в еде, у нас были Бедняга Джармен, ухаживавший за садом, миссис Кобб — наша кухарка и Мэдди в качестве служанки на все случаи жизни, так

что, строго говоря, мы не были совсем уж безденежными. А поскольку мама всегда преувеличивала степень нашей нищеты, я подозревала, что то же самое происходило и с ее рассуждениями о нашем былом богатстве, а значит, все эти балы и банкеты были не такими впечатляющими, как она это рисовала.

Мне было лет десять, когда я сделала для себя одно важное открытие. Хозяева Окленд Холла устраивали у себя какой-то праздник: на другом берегу ручья царило оживление, и было шумно от веселых возбужденных голосов. Стоя у окна, я видела, как вся эта большая компания выезжает верхом на псовую охоту.

Мне ужасно хотелось оказаться в числе приглашенных, чтобы побывать в этом большом красивом особняке. Да, я видела его издалека и только зимой, когда лишенные листвы дубы уже не заслоняли его от нашего берега; и, хотя разглядеть мне удавалось только серые каменные стены, даже их вид уже завораживал меня. Подъездная аллея длинной с полмили была слишком извилистой, так что с ее начала рассмотреть дом тоже было невозможно, но я пообещала себе, что однажды наберусь смелости, переправлюсь на другой берег и подойду поближе.

Дело было в классной комнате, где мы с Мириам были вдвоем. Мириам была не самым вдохновенным педагогом, и я зачастую выводила ее из терпения. Это была высокая бледная женщина, а, поскольку мне было десять, стало быть, ей уже исполнилось двадцать пять. Она была вечно недовольной — как и все остальные, кто был не в силах забыть те пресловутые «лучшие времена», — и порой смотрела на меня с холодной неприязнью. Повторю: я никогда не воспринимала ее как свою старшую сестру.

В тот день, когда гости Окленд Холла с веселым шумом проехали по берегу верхом, направляясь на охоту, я вскочила и подбежала к окну.

— Джессика, — воскликнула Мириам, — что ты делаешь?!

— Я всего лишь хотела взглянуть на всадников, — ответила я.

Она схватила меня за руку, — не слишком нежно, нужно сказать, — и оттащила от окна.

— Они же могут увидеть тебя! — прошипела она, как будто это было верхом безумия с моей стороны.

— И что? — удивилась я. — Они и так видели меня вчера. А некоторые из них даже поздоровались и помахали мне рукой.

— Не смей больше с ними разговаривать, — строго сказала она.

— Но почему?

— Потому что мама рассердится.

— Ты говоришь о них, как о каких-то грубых дикарях. А я не возьму в толк, что плохого будет, если я с ними здороваюсь.

— Ты просто не понимаешь, Джессика.

— А как я могу что-то понять, если мне никто ничего не рассказывает?

Поколебавшись немного, как будто раздумывая, насколько правильным будет это небольшое попустительство, которое тем не менее сможет уберечь меня от морального падения в виде доброжелательного отношения к гостям Окленд Холла, она все-таки сказала:

— Когда-то Окленд Холл был нашим. И этого нельзя забывать никогда.

— А почему он сейчас не наш?

— Потому что *они* его у нас забрали.

— Забрали? Каким образом? — Я немедленно представила себе эту картину: во время осады мама, воинственная и властная, командует членам нашей семьи лить на злобных врагов, пришедших отобрать наш замок, кипящее масло с зубчатых крепостных стен; Мириам и Ксавье подчиняются

беспрекословно, тогда как папа пытается взглянуть на происходящее с другой точки зрения.

— Они *купили* Окленд Холл.

— Так почему же мы его продали?

Губы ее сурово сжались.

— Потому что мы больше не могли себе позволить жить там.

— О, — сказала я. — Все ясно, *нужда*. Так вот, значит, где прошли наши «лучшие времена».

— Не *наши*, ты тут вообще ни при чем. Все это произошло еще до твоего рождения. А вот я провела свое детство в Окленд Холле. И я знаю, что означает спуститься с небес на землю.

— Ладно, если я никогда не знала лучших времен, для меня ничего не поменялось. Но почему мы стали такими бедными?

Ответить на этот вопрос она не могла и поэтому сказала:

— Вот и пришлось нам продать его этим... варварам. Однако нам удалось сохранить хотя бы Дауэр Хаус. Это все, что у нас осталось. Теперь ты понимаешь, почему мы не хотим, чтобы ты уделяла столько внимания людям, которые отобрали наш дом.

— А они что, на самом деле варвары? В смысле — дикари?

— Они ничем их не лучше.

— А выглядят, как обыкновенные люди.

— Ох, Джессика, какой же ты еще ребенок! Если ты чего-то не понимаешь, оставь это для взрослых. Но сейчас, по крайней мере, ты уже знаешь, что мы когда-то жили в Окленд Холле, и поэтому сможешь понять, почему мы не хотим, чтобы ты таращилась на выходящих из этого дома людей, как какая-то деревенщина. А теперь пришла пора для урока алгебры. Если ты хочешь получить хоть какое-то образование, тебе следует больше внимания уделять своим учебникам...

Но как после такого поразительного открытия можно сосредоточиться на том, сколько будет $(x + y)^2$? В итоге мне отчаянно захотелось узнать побольше об этих варварах, которые забрали себе наш дом.

Этот интерес положил начало моему расследованию, в ходе которого я начала действовать в свойственной мне энергичной — и, как мне казалось, утонченной — манере.

Решив, что от слуг будет больше толку, чем от членов нашей семьи, я первым делом принялась за Беднягу Джармена, который под бдительным надзором мамы содержал в образцовом порядке наш сад, летом пропадая в нем целыми днями, но также навещаясь туда и зимой. Бедняга Джармен! Он говорил мне, что самой Природе угодно, чтобы он был бедным, поскольку она каждый год дарит его жене нового ребенка.

«Так что бедный я из-за природы» — это было его любимое высказывание, которое лично я находила совершенно несправедливым по отношению к природе. Потому что под руководством Мириам своим каллиграфическим почерком обычно писала совсем другое, а именно: «Природа — наша кормилица». Но в отношении Бедняги Джармена она была уж слишком благосклонной. Это сделало его крайне робким, и он чрезвычайно почтительно кланялся практически всем и каждому — за исключением меня. В общении со мной он обычно ограничивался фразами вроде: «Держитесь подальше от этих проклятых клумб, мисс Джессика. Если госпожа увидит, что они вытоптаны, винить в этом станет меня».

Целую неделю я ходила за ним по пятам в надежде выудить какую-то информацию. Я собирала цветочные горшки и складывала их в теплице, я терпеливо наблюдала, как он подрезает деревья и выпалывает сорняки.

— Что это вы, мисс Джессика, — однажды сказал он, — так внезапно стали интересоваться садоводством?

Я не стала объяснять ему, что на самом деле меня интересует прошлое моей семьи.

— Ты ведь когда-то работал в Окленд Холле, — притворно улыбнувшись, небрежно заметила я.

— О да. Вот это были времена!

— *Лучшие времена*, надо полагать, — вставила я.

— Какие там лужайки! — восторженно заявил он. — А трава! Лучший дерн во всей стране. А зверобой какой! Только отвернулся, а им уже все заросло — растет буквально на глазах!

— Все это щедрость природы, — сказала я. — К зверобойю она так же щедра, как и к тебе.

Он подозрительно взглянул на меня — о чем это я сейчас говорю?

— Так почему же ты тогда ушел из Окленд Холла? — продолжала выпрашивать я.

— Переехал сюда с вашей матерью. Такая вот преданность госпоже. — Он оперся на лопату, и взгляд его затуманился. Воспоминания унесли его далеко в прошлое, когда щедрость природы еще не превратила его в Беднягу Джармена. — Да, славные были деньки. И что забавно, я думал, это никогда не закончится. А потом вдруг...

— Что? — быстро вставила я, стараясь его подтолкнуть.

— Госпожа послала за мной. «Джармен, — сказала она, — мы продали Холл. И теперь переезжаем в Дауэр Хаус». Я остолбенел — в тот момент меня можно было свалить с ног легким перышком. Кое-кто потом говорил, что видел — к этому все идет, но меня это известие застало врасплох. Тогда она и говорит: «Если ты поедешь с нами, то сможешь на нашем участке построить себе дом. А потом женишься». Так все и началось. Не прошло и года, как я уже стал отцом.

— Ты сказал, что ходили разговоры...

— Да, ходили. Кое-кто знал, что это должно случиться... по крайней мере, так говорили. Мол, в семье издавна есть

пристрастие к азартным играм. Старый мистер Клаверинг очень любил это дело и, по слухам, проиграл приличную сумму денег. В итоге имущество начали закладывать — то одно, то другое. Для дома и хозяйства это очень плохо. А что плохо для дома, тем более плохо для тех, кто в нем работает.

— Выходит, они чувствовали приближение бури.

— Ну, мы все знали про какие-то проблемы с деньгами, потому что порой нам не выплачивали жалованье по два месяца. Конечно, есть семьи, где это вошло в привычку, однако Клаверинги никогда такими не были. А потом появился тот человек. И купил Холл. Какой-то рудокоп. Уж не знаю, на чем он заработал свое состояние, только приехал он из-за границы.

— А почему ты не остался работать у него?

— Так ведь я всегда служил у одних господ. К тому же здесь у меня есть свой дом.

У него было одиннадцать детей, следовательно, все это должно было происходить примерно двенадцать лет тому назад. В принципе можно было бы вести счет годам по детям Джармена, но, поскольку люди вечно путали, кто из них кто, запомнить, что произошло в год рождения каждого, было трудно.

— Все это случилось еще до моего рождения, — продолжала я, стараясь направить ход его мыслей в нужное мне русло.

— Да. Точно. Примерно за два года до этого.

Выходит, с тех пор *действительно* прошло уже двенадцать лет, считай, целая жизнь — моя жизнь, по крайней мере.

Это было все, что мне удалось выведать у Джармена: в случившемся виновато пристрастие моего отца к игре. Неудивительно, что мама относилась к нему с презрением. Теперь мне стало понятно истинное значение ее горьких упреков в его адрес. Мой бедный папа в основном отсиживался у себя в комнате, большую часть времени уделяя

раскладыванию пасьянсов — единственной игре, где он не мог проиграть деньги своему оппоненту, но в то же время не утрачивал связь с картами, которые продолжал любить, несмотря на то, что они, видимо, стали причиной изгнания его семьи из мира богатых.

Миссис Кобб мало что могла мне сообщить. Как и члены моей семьи, она постоянно вспоминала «лучшие времена». Она тоже ушла с ними, когда они переехали в Дауэр Хаус, и не уставала повторять всем, кто был готов ее выслушать, что вообще-то она привыкла, чтобы в доме были горничные, судомойки на кухне и парочка лакеев.

Получалось, что служить в доме вроде нашего было для нее менее престижно, но себя она успокаивала тем, что, по крайней мере, работает на господ, которые, как и она сама, знавали «лучшие времена», а не на кого-то, кто вообще «в жизни ничего хорошего не видел».

Приближаться к моему отцу — постоянно раскладывающему свой пасьянс, читающему и уходящему на длительные прогулки в одиночестве — мне определенно не следовало. В любом случае он, похоже, и не обращал на меня внимания. А когда все-таки замечал, на лице его появлялось то самое выражение, что и в минуты, когда мама напоминала ему о его слабости, приведшей семью в плачевное состояние. Для меня он был почти пустым местом, — согласитесь, странное ощущение по отношению к собственному отцу, — но, поскольку он не проявлял ко мне ни малейшего интереса, мне было сложно испытывать к нему какие-либо чувства, кроме жалости во время очередного напоминания о его вине.

Что касается моей мамы, то она была еще более неприступна. Когда я была совсем маленькой, мы пели в церкви:

*Может ли женщина перестать
Нежно любить дитя, которое она носит?*

Мое детское воображение рисовало мне мать-медведицу, которая горячо любит своего крошечного медвежонка; но когда я рассказала об этом Мириам, она была шокирована и объяснила мне истинный смысл этих слов¹. Тогда я ответила ей, что нежная любовь моей матери ко мне никогда не прекратится только потому, что ее никогда не существовало. Мириам густо покраснела и заявила, что я — просто неблагодарный ребенок и что мне бы следовало быть признательной за то, что у меня такой хороший дом. Я возразила, что не понимаю, почему этот дом хорош для меня, тогда как все остальные его презирают, но была поставлена на место очередным упоминанием о том факте, что все они знавали «лучшие времена» — в отличие от меня.

Мой брат Ксавье был замкнутым романтичным молодым человеком, которого я почти не видела. Он приглядывал за тем, что нам удалось сохранить после продажи поместья Окленд, — одной небольшой фермой и несколькими акрами пастбищ. Когда же мы с ним все-таки виделись, он бывал добр ко мне, но проявлялось это отношение странным образом: как будто он признавал мое право находиться в этом доме, но не мог понять, как я здесь оказалась, а спросить — из вежливости — стеснялся. Я слышала, что он влюблен в леди Клару Доннингем, которая жила милях в двадцати от нас, но не сватался к ней, потому что не мог предложить ей той роскоши, к которой она привыкла у себя. Она, очевидно, была очень богата, тогда как мы, по выражению мамы, жили «в нужде». Как бы там ни было, но они с леди Кларой продолжали жить порознь, каждый сам по себе, хотя по данным миссис Кобб, которая была знакома с кухаркой в доме этой молодой дамы, та не ответила бы отказом, если бы мистер Ксавье сделал ей предложение. Но Ксавье был слишком горд, а леди Кларе поднять этот вопрос

¹ Игра слов: *bear* (англ.) — 1) носить (ребенка); 2) медведь. (Здесь и далее примеч. пер.)

самой запрещали правила приличия, и это мешало им быть вместе. Ксавье в моих глазах был окружен романтическим ореолом: он был благородным рыцарем, стойко шедшим по жизни, лелея в душе тайную страсть, которую не смел открыть даме своего сердца из-за светских приличий. Касательно же моего расследования, он бы мне точно ничего не рассказал.

Мириам можно было бы склонить поведать мне что-то, но для доверительной беседы она не годилась. У нее тоже возникло «взаимопонимание» с одним молодым человеком, помощником нашего приходского vicария, преподобного Джаспера Крея, однако пожениться они могли только после того, как тот займет место этого самого vicария, а это, учитывая застенчивый характер ее избранника, представлялось весьма далекой перспективой.

Мэдди сказала мне, что, будь мы по-прежнему в Окленд Холле, у нас постоянно устраивали бы танцы, к нам приходили бы толпы гостей, и не пришлось бы мисс Мириам заглядывать на какого-то помощника vicария. Да что говорить! Выбор у нее был бы совсем другой — сквайр Такой-то или сэръ Такой-то, а может быть, даже какой-нибудь лорд. Ведь именно такого круга люди захаживали к нам в те грандиозные былые времена.

В общем, все беседы возвращались к излюбленной теме — нашему славному прошлому.

Поскольку миссис Кобб было не удержать от рассказов про ее собственные «лучшие времена», у меня оставалось мало надежды разговорить ее на тему о моей семье. Насколько я уже поняла, единственным человеком, который мог мне в этом действительно помочь, была Мэдди. Она жила в Окленд Холле. Еще одним аргументом в ее пользу было то, что она любила поболтать, а если я еще и клялась никому об этом не говорить, — что я делала с готовностью, — она иногда подбрасывала мне крупички важной информации.